

Как и замышлялось, глубокой ночью они тайно пробрались к резиденции генерала Правой гвардии Юань Оумина. Ян Е давно водил с ним дружбу, а потому, подойдя к боковым воротам, сразу велел позвать личного слугу хозяина. Тот, услышав, кто пришёл, поспешно выбежал навстречу, однако огорчил гостей: Юань Оумина в усадьбе не оказалось — он отправился в поместье Вэй Мэндо.

Этот самый генерал Вэй был не кем иным, как Вэй Мэндо, великим генералом гвардии Цзинь и по совместительству главнокомандующим Центральной императорской гвардией. Сегодня его супруга праздновала день рождения. пышного торжества устраивать не стали, но нескольких близких друзей и подчинённых на праздничный обед всё же пригласили. Юань Оумин, разумеется, тоже оказался среди званных гостей. Он уже прислал слугу с вестью, что Вэй Мэндо оставляет его на ночлег у себя, так что домой он сегодня не вернётся.

Бэйчэнь Цин и Ян Е переглянулись. Делать было нечего, пришлось возвращаться.

По дороге Бэйчэнь Цин задумчиво спросил:

— Завтра нам идти во дворец на пир. Сяо Лан, как думаешь, воину моего звания действительно положен приветственный приём от самого Сына Неба?

— Да с чего бы, — фыркнул Ян Е. — Ладно бы ещё я устроил тебе пирушку, но император... — Он повернулся и смерил Бэйчэнь Цина оценивающим взглядом с ног до головы. — Должно быть, Его Величество прослышал о громких подвигах генерала Бэйчэня и просто захотел на тебя поглазеть. Но ты поберегись. Смотри не стань новым любимчиком государя, а то ещё заберут в гарем.

Бэйчэнь Цин лишь отмахнулся от привычной колкости, пропустив её мимо ушей.

Ещё в пути они договорились, что Ян Е заночует в поместье князя Чжао, чтобы вволю порасспрашивать Бэйчэнь Цина о бескрайних степях и его ратных делах за последние два года. Однако, едва переступив порог, оба, не сговариваясь, устремились напрямик в кабинет. Там хранились не только редкие книги, но и бесчисленные записи и свитки, которые годами собирал Ян Си. К слову, большую их часть в своё время систематизировали как раз Бэйчэнь Цин и Бай Тинби.

Бэйчэнь Цин уверенно вытянул с полки нужную тетрадь. Но стоило ему перелистнуть несколько страниц, как лицо его посуровело.

Ян Е заглянул через его плечо и потрясённо прошептал:

— Да как так-то?..

На бумаге убористым, изящным почерком Бай Тинби, больше походившим на женский, было

чётко записано: ни у одной из многочисленных жён Вэй Мэндо день рождения сегодня не значился.

— Что ж, раз зовут на пир — пойдём, — протянул Ян Е. — Посмотрим, что он задумал. В крайнем случае найдём благовидный предлог да тихонько сбежим.

На следующий день, проходя во дворец через боковые ворота, Ян Е и Бэйчэнь Цин нос к носу столкнулись с генералом Юань Оумином. Тот послушной тенью следовал за Вэй Мэндо.

Юань Оумин скользнул по Ян Е быстрым взглядом и едва заметно шевельнул пальцами, подавая знак. Лицо у генерала было округлым, улыбался он нечасто, но стоило ему прищурить глаза в приветливой усмешке, как он тут же принимал на редкость простодушный и безобидный вид, способный обмануть кого угодно. Однако за этой мягкостью крылся беспощадный и суровый нрав: в столичных войсках его держали за железного командира и боялись пуще огня. Когда Ян Е только пытался втереться к нему в доверие, дело шло туго. Но со временем они разглядели друг в друге родственные души и сблизились по-настоящему.

Только Ян Е собрался подойти поближе, чтобы перекинуться парой слов, как шедший рядом Вэй Мэндо ожёг его свирепым взглядом. Ян Е в долгу не остался и вызывающе уставился на грозного воеводу в ответ. Презрительно взмахнув широкими рукавами, обе стороны разошлись в разные стороны.

Оставив личную стражу у дворцовых ворот, гости в сопровождении евнухов проследовали в Зал Сияющей Добродетели. Большинство приглашённых сановников уже заняли свои места, но императорский трон посреди залы пока пустовал. Помощник министра ритуалов Цзин Хуайюй радушно шагнул им навстречу и вместе с дворцовыми слугами указал гостям на их циновки. Бэйчэнь Цин расположился чуть позади Ян Е. Прямо напротив них устроились Вэй Мэндо и Юань Оумин.

Сам же Цзин Хуайюй вальяжно опустился рядом с Бэйчэнь Цином и завёл светскую беседу:

— Вчера генерал Бэйчэнь выглядел изнурённым после долгой дороги, а сегодня предстал перед нами во всём великолепии, бодрым и исполненным сил. Что и говорить, молодость! Крепкое здоровье быстро берёт своё.

Бэйчэнь Цин вежливо улыбнулся и уже собирался ответить дежурной любезностью, но Ян Е бесцеремонно вклинился в разговор:

— Раз он юнец, так и вы, помощник министра Цзин, далеко не старик! На мой взгляд, вы кажетесь куда моложе его. Да к тому же столь нежны ликом, изящны станом и не по годам успешны. Истинный пример для подражания...

Бэйчэнь Цин незаметно сжал его запястье, заставив умолкнуть. Ян Е поднял голову и увидел, что в Зал Сияющей Добродетели в окружении пышной свиты из евнухов и гвардейцев

торжественно шествует Ян Тао.

Ян Е послушно замолчал. Вместе со всеми придворными он поднялся с места и, согнувшись в глубоком поклоне, чинно провозгласил:

— Да здравствует император! Десять тысяч лет жизни Его Величеству!

Ян Тао благодушно махнул рукой, велел присутствующим подняться и занять свои места. Его величество не торопясь окинул взглядом собрание, пока не остановился на Бэйчэнь Цине.

— Так это и есть наш доблестный защитник рубежей, генерал Бэйчэнь Цин? О делах на границе я в столице узнаю лишь из сухих донесений. Расскажи-ка подробно, каково сейчас положение дел?

Бэйчэнь Цин почтительно склонил голову:

— Слушаю, Ваше Величество. Два года назад ваш покорный слуга последовал за князем Чжао в поход. Поначалу мы удерживали Боковую заставу — одну из Трёх застав. Однако вскоре силы государства Сицзя начали продвигаться на запад, в окрестности заставы Фэньюй. Враг совершал частые набеги, изводя мирное население, отчего люди были вынуждены бежать в земли Гуаньчжуна. Земли эти опустели, селения стоят заброшенными. Лишившись возможности грабить окраины, сицзяские разбойники стали продвигаться на юг, угрожая самому Гуаньчжуну. Князь Чжао своевременно доложил об этом Вашему Величеству и, заручившись высочайшим соизволением, повёл войска по следам неприятеля к заставе Фэньюй. Сейчас мы шаг за шагом укрепляем тамошние рубежи. Увы, сил у нас мало, а набеги не прекращаются. Именно поэтому мы и дерзнули просить Ваше Величество прислать подкрепление.

Бэйчэнь Цин говорил размеренно, взвешивая каждое слово, и Ян Тао слушал его с явным удовольствием.

— Мой четвёртый брат трудится не покладая рук, — одобрительно кивнул император. — Жаль, что государственные дела не позволяют мне возглавить поход лично. О, как бы я хотел скакать с ним плечом к плечу, любуясь бескрайними песками под холодной луной у пограничных круч! Какое великое то было бы счастье!

Ян Е при этих словах скривился и поспешно опустил голову, пряча ухмылку.

«Каково, а? — хмыкнул он про себя. — Кровавую бойню, где каждый миг рискуешь расстаться с жизнью, этот праведник расписал как лёгкую прогулку под луной! Выходит, Ян Си и Бэйчэнь Цин у нас на границе только и делают, что любуются пейзажами да катаются верхом!»

Бэйчэнь Цин послушно поддакнул, сохраняя безупречную почтительность:

— Всё так, Ваше Величество. Князь Чжао тоже всем сердцем тоскует по Вашему Величеству, но враг наступает на пятки, и оставить лагерь сейчас невозможно.

— Что ж, в таком случае мы дадим ему солдат, — торжественно произнёс Ян Тао. — Генерал Вэй, оставим пустые церемонии. Передайте воинский тигр-амулет генералу Бэйчэню прямо сейчас, чтобы он мог без промедления приступить к смотру войск. А сегодня мы будем пировать! Генерал проделал долгий путь, так пусть почтенные мужи осушат за его здоровье не один кубок от нашего имени.

— Ваше Величество оказывает мне великую милость, ваш слуга безмерно тронут, — поклонился Бэйчэнь Цин.

Вэй Мэндо глухо отозвался и сделал знак Юань Оумину. Тот выступил вперёд, бережно держа в руках медный ларец.

— Генерал, здесь покоится половина амулета, — негромко произнёс Юань Оумин. — Вторая половина останется у меня.

Бэйчэнь Цин торопливо принял ларец и вновь склонился перед Ян Тао в благодарственном поклоне.

Вскоре, по воле государя, придворные один за другим потянулись к Бэйчэню Циню с чарками. Ян Е, сидевший рядом, прекрасно знал, что хмель быстро берёт верх над его другом, а потому то и дело перехватывал подношения, заставляя наливать себе. Бэйчэнь Цин без лишних слов сливал большую часть императорского вина в его кубок. Чиновники знали вздорный нрав Ян Е и не решались с ним спорить, лишь натянуто улыбаясь в ответ. И всё же, несмотря на все ухищрения Е, спустя какое-то время в глазах Бэйчэнь Цина заплескались хмельные искорки.

Ян Е наклонился к самому его уху и вполголоса спросил:

— Нужно выйти освежиться?

— Да, очень кстати, — торопливо кивнул Бэйчэнь Цин.

Ян Е помог ему подняться, извинился перед присутствующими, и они покинули пиршественную залу. Несколько дворцовых слуг повели их по извилистым галереям. Едва они свернули в глухой уголок сада, где за густыми купами деревьев не было ни души, Ян Е бесшумно скользнул за спины провожатых. Его пальцы взметнулись с быстротой молнии — точные удары по загривкам мгновенно лишили слуг чувств, и те безвольными кулями повалились на траву.

— Юань Оумин во время пира то и дело подавал нам знаки глазами, — приглушённо заговорил Ян Е, повернувшись к другу. — Жди беды. Раз амулет у тебя, забирай людей и уходи из

столицы прямо сейчас. А я вернусь в зал и попытаюсь вытащить Юань Оумина. Побуду там для отвода глаз: если мы исчезнем втроём, это сразу вызовет подозрения.

Бэйчэнь Цин шевельнул пальцами правой руки — между средним и указательным оказалась зажата узкая полоска бумаги. Почерк на ней без сомнения принадлежал Юань Оумину: «Срочно уходите из дворца. Жду у Ворот Драгоценного города».

— Он ухитрился передать это вместе с ларцом, — негромко усмехнулся Бэйчэнь Цин. — Сяо Лан, поговаривали ведь, что к этому генералу так просто не подступиться. Как тебе удалось приручить его?

— Рожей я вышел, вот он и растаял, — отмахнулся Ян Е. — Хватит болтать, убирайся скорее.

— А ты справишься? — посерьёзnel Бэйчэнь Цин.

— Забирай Чжунли Чжэня и Нянь Вэя с собой, обо мне не думай. Как устроитесь на месте, пришлѐшь их за мной. Получить двадцатитысячное войско — редкая удача, так что не сомневайся и поскорее выводи их из города.

Оба понимали, что вокруг них плетѐтся какая-то зловещая паутина, но времени на раздумья не оставалось — нужно было действовать. Они разошлись в разные стороны.

Ян Е подождал, пока силуэт Бэйчэнь Цина скроется за поворотом галереи, а затем ленивыми пинками привѐл поверженных слуг в чувство.

— Тоже мне, провожатые! — притворно заворчал он, стоило тем зашевелиться. — Попросил показать дорогу, а вы тут разлеглись и дрыхнете без задних ног! Тьфу на вас, сам найду дорогу обратно. И не смейте тащиться за мной!

С этими словами он картинно взмахнул рукавами и зашагал прочь.

Вернувшись в Зал Сияющей Добродетели, он обнаружил, что веселье там идёт полным ходом. Ян Тао всегда держался с подчинѐнными на короткой ноге, так что пирующие чувствовали себя вольготно, без умолку болтая и осушая кубок за кубком. Ян Е незаметно скользнул на своё место и тут же приметил, что Юань Оумин тоже успел отлучиться под предлогом нужды.

Едва Ян Е опустился на циновку, как к нему тут же склонился Цзин Хуайюй:

— О, Хуайнань-хоу воротился. А куда же подевался генерал Бэйчэнь?

Этот слащавый красавчик Цзин, похоже, питал к Бэйчэнь Циню нездоровое любопытство — и глазки строил, и расспрашивал с приторной заботой. У Ян Е аж зубы заныли от досады, и он

раздражённо бросил:

— Перепил твой генерал, теперь его тошнит в кустах. Меня чуть самого не вывернуло от этого зрелища, так что я оставил его на попечение слуг и вернулся.

— Ах вот как, — сочувственно закивал помощник министра Цзин. — Благородный муж даже в немощи своей являет собой образец изящества, коим невозможно не восхищаться.

Ян Е лишь брезгливо поморщился в душе.

«Тьфу на тебя, мерзость какая!»

А вслух с ухмылкой прибавил:

— И то правда. Даже блюёт он на редкость живописно. Раз вы так очарованы генералом Бэйчэнем, отчего бы вам лично не пойти и не полюбоваться?

С этими словами Ян Е сделал глоток остывшего чая. Послушная служанка тут же бесшумно скользнула к его столу, чтобы подлить свежего кипятка.

Цзин Хуайюй уже открыл было рот, чтобы продолжить беседу, но Ян Е вдруг застыл, во все глаза уставившись на служанку. И дело было вовсе не в пресловутом легкомыслии маркиза.

Девушка двигалась на редкость нелепо и натужно: делая каждый шаг, она невольно содрогалась всем телом, словно марионетка на ниточках в руках неумелого кукольника, который дёргает за все верёвки разом. Ян Е заворожённо наблюдал за её конвульсивными движениями, пока в его голове не родилась какая-то глупая ассоциация. Не выдержав, он с шумом выплюнул чай обратно в чашку, а затем в голос расхохотался, в угаре колотя ладонью по столу.

В зале мгновенно воцарилась гробовая тишина. Поняв, что натворил глупость, Ян Е поспешно зажал рот ладонью и затравленно огляделся. Цзин Хуайюй деликатно кашлянул в кулак и демонстративно отвернулся.

С возвышения донёсся недовольный голос императора:

— Хуайнань-хоу, с чего бы вдруг такой весёлый смех посреди торжественного пира? Чему ты радуешься?

Ян Е торопливо поднялся, обошёл столы и опустился на колени посреди залы.

— Ваше Величество, ваш слуга проявил непочтительность и готов понести любое наказание, — повинулся он. — Просто... просто эта девица двигается до того забавно, что я грешным делом не сдержался.

Ян Тао нахмурился и смерил его презрительным взглядом.

— И ты смеешь потешаться над ней, даже не зная, кто она такая? — холодно бросил он.

Ян Е искоса взглянул на виновницу своего смеха. Девушка испуганно замерла в сторонке — бледная, худая как щепка, со смиренно опущенным взором. Ничего примечательного в ней не было.

— Ваш слуга в неведении, — признался Ян Е.

Тогда Ян Тао принялся назидательно разъяснять — не заботясь о том, хочет Е это слушать или нет:

— Эту девушку зовут Фэн Гэ. Она овдовела в юных летах и преданно заботилась о престарелой свекрови. Когда та тяжело захворала и лекари сказали, что спасти её может лишь снадобье на человеческой плоти, Фэн Гэ, не задумываясь, срезала кусок собственного мяса, дабы приготовить отвар. К несчастью, старуха всё же отошла в мир иной, оставив бедняжку круглой сиротой. Подобная сыновняя почтительность — величайший пример для всех подданных нашей империи Да Янь! Прослышав о её подвиге, мы повелели призвать её во дворец, дабы благочестием своим она наставляла прочих служанок. Сперва я желал назначить её личной помощницей императрицы, однако скромница упросила позволить ей начать с самых низов. И над этой святой душой ты смеешь насмехаться? Ян Е, у меня просто слов нет, чтобы описать твоё скудоумие!

Ян Е сокрушённо закивал, однако его взгляд продолжал цепко блуждать по фигуре Фэн Гэ.

— Ваш слуга виноват кругом, виноват... Но позвольте полюбопытствовать: а откуда именно уважаемая дева срезала плоть? И чем человечина в снадобье лучше обычной свинины или баранины? И если уж это средство столь чудесно, отчего же почтенная старушка всё-таки преставилась, а не исцелилась?

После этих слов в зале поднялся негромкий ропот: одни придворные поспешно прятали ухмылки, другие сконфуженно переглядывались, третьи неодобрительно качали головами. Ян Тао побагровел от гнева.

— Хуайнань-хоу, на что ты намекаешь своими дерзкими речами?!

— Полно вам, Ваше Величество, ни единого дурного помысла в моих словах не было, — примирительно отозвался Ян Е. — Обычное праздное любопытство. Коли сболтнул лишнего —

нижайше прошу простить неразумного слугу.

Ян Тао со всей силы грохнул ладонью по резному столу. В зале вновь воцарилась звенящая тишина. Ян Е изобразил на лице крайний испуг, заозирался по сторонам, а затем замер, выпрямив спину в безупречном поклоне.

Прошло немало времени, прежде чем император глухо произнёс:

— Недоросль неблагодарный! Даже если плоть её не имела целебной силы, сам порыв, её великое самопожертвование достойно войти в вековые летописи! Разве её праведный дух не пример для подражания? Твоя голова забита священными книгами древних мудрецов, но, видать, всё впустую!

Ян Е поспешно закивал:

— Да-да, вы совершенно правы. Сглупил ваш слуга, кается. Подвиг сей девы воистину достоин восхищения, её сыновняя преданность трогает до глубины души. Отныне я непременно буду равняться на неё и днём и ночью размышлять над своими прошлыми прегрешениями, дабы исправить то дурное, что совершил, и укрепиться в добродетели.

Ян Тао смерил его ледяным взглядом, а затем на его губах появилась недоброжелательная, торжествующая улыбка.

— Ты — и исправишься? Тот самый Ян Е, что только и делал, что кутил, дрался на улицах да позорил своё имя? Верится с трудом. Ну да ладно. Раз ты горишь желанием брать с неё пример, да к тому же до сих пор не обзавёлся ни супругой, ни наложницами... мы милостиво жалуем тебе эту девицу! Забирай её прямо сейчас. Кем она станет в твоём доме — женой ли, наложницей ли, — решай сам. Но предупреждаю: если посмеешь обидеть её, кара наша будет скорой и беспощадной. На этом всё. Пир окончен, мы утомлены и желаем отдохнуть. Можете расходиться.

Старый главный евнух подобострастно подскочил к государю, подставив плечо. Придворные послушно склонились в земном поклоне, провожая повелителя. Напоследок Ян Тао одарил Ян Е многозначительным колючим взглядом и, гневно взмахнув рукавами парчового халата, покинул залу.

Ян Е остался стоять на коленях, с невозмутимым видом глядя вслед уходящему правителю. А рядом безмолвным изваянием застыла Фэн Гэ, терпеливо ожидая, когда новоиспечённый хозяин заберёт её с собой.